

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЕВРОПЕЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Ю. А. Шичалин

Статья из сборника "Контекст - 1988.

Когда родился великий Эразм, точно неизвестно¹. Вероятнее всего, в 1466 г., может быть, в 1469 г. Но мы точно знаем не только год и день, но даже час его смерти: Эразм умер в ночь с 11 на 12 июля 1536 г.

Его жизнь — начиная с рождения (Эразм был незаконнорожденным сыном священника и служанки), включая годы ученичества и написания первых работ (в Девентере, в школе св. Лебуина; в монастыре Стейн; в Париже, где Эразм в 1498 г. получил степень бакалавра теологии) вплоть до выхода в свет в 1500 г. «Адагий», сделавших Эразма знаменитым, — носила все приметы непредставительности и неопределенности и была отмечена доводившей до отчаяния монашеской несвободой, несамостоятельностью и нищетой. Умер Эразм признанным главой гуманизма, мыслителем, к слову которого прислушивались европейские государи и папа. Надпись на его гробнице в кафедральном соборе Базеля свидетельствует, что «его несравненная ученость во всевозможных науках сочеталась с такою же мудростью». Помимо библиотеки, золотых вещей и другого имущества, Эразм оставил по завещанию почти 5000 флоринов на пособие студентам Базельского университета, где до сих пор существует Эразмовская стипендия.

Все, чем располагал Эразм к концу жизни, было благоприобретенным. Благоприобретенной, причем великими и сознательно направляемыми трудами, была и его великолепная латынь. Никак нельзя сказать, что в пору формирования Эразма не было традиции, к которой он мог бы примкнуть и в русле которой совершенствоваться. Но Эразм так упорно стремился к свободному владению латинским языком, что и образцы классической латыни, и стихия как схоластической, так и гуманистической латыни были для него скорее тем, с чем он состязался и от чего отталкивался, формируя свой — неподражательно живой — латинский стиль. Латынь не могла быть и не была его родным языком, но именно она была тем единственным языком, которым Эразм владел в совершенстве: немецкого он не знал, по-французски и по-английски изъяснялся с трудом. Языком, объединявшим Европу, была латынь. Эразм слыл лучшим латинистом своего времени, но, расставаясь с жизнью, последние слова он произносит на родном языке своих родителей, по-голландски: «Lieve God!» («Боже мой!»)

В течение всей жизни Эразм стремился к независимости и покою, и отнюдь не природной

склонностью к путешествиям объясняется то, что вплоть до приобретения благоустроенного жилища в Базеле — а Эразму тогда было за пятьдесят — им, болезненным и слабым, владеет постоянное и почти навязчивое желание уехать, перебраться в другое место, город, страну. Конечно, часть своих путешествий Эразм совершил по воле своих покровителей. Среди причин, срывавших Эразма с места, был также его страх перед эпидемиями вспыхивающей там и сям чумы, страх почти болезненный, но более чем понятный: у него на глазах от чумы умерла мать. Но помимо внешних причин была постоянная внутренняя потребность уехать. Из монастыря Стейн Эразм стремится в Париж. Обучаясь в Париже, он страстно хочет поехать в Италию, но, когда поездка расстроилась, Эразм с радостью едет в Англию, в Оксфорд. Потом он снова в Париже, потом в Орлеане, Лувене, Амстердаме и опять в Англии, на сей раз в Лондоне и Кембридже. Поездка в Италию удастся только в 1506 г. В Турине Эразм получает степень доктора теологии. Оказавшись ненадолго во Флоренции, он при первой же возможности бежит в Болонью; появляется в Риме, но стремится в Венецию, где знаменитый Альд Мануций (тогда уже знаменитый, хотя его типография была основана всего двенадцать лет назад) переиздает его «Адагий». Здесь Эразм остается надолго — до декабря 1508 г. и помимо «Адагий» выпускает Пиндара, Платона, Плутарха, Павсания, Плавта, Теренция, Сенеку и других греческих и латинских авторов. Альд Мануций приглашает его остаться для продолжения издательской деятельности, но Эразм едет в Англию. Затем — Базель, Антверпен, Брюссель, Гент... В 1517 г. Эразм обосновался в Лувене, но в 1521 г., в день своего рождения, он уезжает оттуда, гонимый католическими богословами, в Базель. Из Базеля после семи лет относительно спокойной жизни ему приходится — на сей раз из-за бесчинств реформаторов — перебраться во Фрейбург, из Фрейбурга — вновь в Базель. Но до последних дней своей жизни он все надеется уехать из Базеля в Брабант, впервые испытывая тоску по родине. «Конечно, я здесь среди искреннейших друзей, каких у меня не было во Фрейбурге, но из-за наших догматических разногласий я предпочел бы умереть где-нибудь в другом месте... Ах, если бы Брабант был ближе!..» — так писал Эразм за две недели до смерти.

Нет ничего, к чему следует стремиться более горячо, нежели к дружбе, — Эразм часто говорил об этом, и в юности ему, кажется, даже довелось, впрочем безответно, испытать всю сладость желаемого чувства. Преклонение перед дружбой у гуманистов, с каким бы риторическим блеском и литературной искусностью оно ни высказывалось, трудно заподозрить в неискренности хотя бы потому, что дружеские отношения, дружеские кружки, дружеские пиры и беседы — словом, все это дружество было в течение первых полутора веков гуманизма одним из основных и надежнейших гуманистических институтов. Лепясь вокруг богатых покровителей, духовных и светских, и находясь от них в зависимости, гуманисты тем более ценили и прославляли родство и единение дружественных душ. Если бы нельзя было вместе с немногими близкими и понимающими друзьями восхищаться образцами возлюбленной античности, кто стал бы с таким рвением отыскивать рукописи в библиотеках и подвалах монастырей, раскапывать пустыри, расчищать завалы и сносить безобразные застройки, скрывающие античные здания и скульптуры, гробницы, мозаики, монеты; кто стал бы — чтобы отбросить соображения сугубо материальной выгоды — приобретать найденное, если бы не было людей, умеющих оценить приобретение и восхвалить вкус приобретателя? Невозможно представить одинокого гуманиста, за исключением разве что самого первого — Петрарки и самого великого — Эразма. Собранные и изданные в наше время двенадцать томов переписки Эразма многословно протестуют против мысли о том, что он был одинок. Но в последний год своей жизни, проведенный в доме друзей, Эразм пережил свое одиночество с такой остротой и с таким смирением, какие были бы невозможны у человека, столкнувшегося с одиночеством впервые.

Подлинной дружбы Эразм, лелеявший в себе готовность к этому чувству, вкусил поздно: ему было за тридцать,

древности; но еще через четыре года Савонарола был казнен по решению специально назначенной папской комиссии. Казнив Савонаролу, апостольский престол продолжал поддерживать светскую культуру. Великолепная фигура Льва X, последнего папы (1513—1521) предреформационной Европы, замечательно демонстрирует сумасшествие католической традиции на рубеже XV—XVI вв. Сын Лоренцо Великолепного, Джованни Медичи, принявший по вступлении на папский престол имя Льва X, уже 13 лет был кардиналом. Воспитанник лучших итальянских гуманистов, человек тонкого вкуса и изрядной образованности, Лев X был лишен всякого интереса к религиозным вопросам, и вся огромная церковная машина, веками создаваемая папским Римом, использовалась им преимущественно для добывания денег; впрочем, значительной части этих денег, кажется, и трудно было найти лучшее применение: Лев X восстановил университет в Риме, учредил коллегия для издания греческих классиков, способствовал созданию многочисленных библиотек, покровительствовал Браманте, Рафаэлю, Микеланджело. Еще будучи кардиналом, он выказал свое расположение Эразму, когда тот в 1509 г. был в Риме. В 1517 г. Лев X освободил Эразма от обязанности носить монашеское облачение его ордена, позволил ему жить в миру, принял посвященное ему издание Нового завета и высоко отозвался о деятельности Эразма в целом.

Эразм никогда не порывал с католицизмом, Рим всегда благоволил ему. Почти одновременно с известием о казни Мора (18 августа 1535 г.) Эразм получил послание от папы Павла III, менее года назад воссевшего на апостольском престоле: «Памятуя о твоей безупречной добропорядочности и выдающихся успехах в разного рода науках, а также о заслугах перед апостольским престолом,— ибо ты решительно сражался с вероотступниками,— мы милостиво поручаем тебе место настоятеля в Девентере». Помимо этого, Павел III предлагал Эразму кардинальскую

нет надежды, что здоровье восстановится. Смерти я не боюсь, скорее желаю ее, если будет угодно Господу...» В феврале Эразм составляет завещание. Он продолжает работать, но в письмах всякий раз жалуется на нездоровье. Его донимает борьба с цицеронианцами. В Милане выходит книжка под названием «Гражданская война между цицеронианцами и эразмовцами». По Европе ходят какие-то написанные от имени Эразма письма. Эразм в постоянной тревоге. Он получает новое издание «Общедоступных богословских положений» Меланхтона — сторонника реформы, но подлинного гуманиста, издавна и неизменно чтущего Эразма. Эразму кажется, что новый раздел введения, где Меланхтон рассуждает о различии между философским методом и христианским вероучением, направлен против него. Эразм обижается и пишет Меланхтону письмо. Меланхтон отвечает почтительным посланием.

«Хотя ты в последнем письме и упрекаешь меня, мне все же приятно, что ты сам указал на возникшее у тебя подозрение, в чем я усматриваю знак исключительного расположения, тем более что и в самом письме есть явственные знаки твоего наилучшего ко мне отношения. Хотя я стремлюсь успокоить тебя, я все же не стану оправдываться слишком долго, поскольку ты с твоим редким умом сам разглядишь в письме мою душу; и я твердо знаю, что твоя доброта позволит мне успокоить тебя без чрезмерного труда.

...Что же касается скептиков, ты сам видишь, что я имею в виду. В догматах веры, в посулах и остережениях я стремлюсь к несомненной согласованности. А если речь идет о спорах, не касающихся Священного Писания, то и я рад „воздержаться от суждения” по образцу Академиков. Что здесь противоречит твоему мнению, я и до сих пор не вижу...»

Эразм отвечает:

«Мужа совершеннейшего и вместе ученого Филиппа